

СЕРГЕЙ ПАРАДЖАНОВ

ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЦЫ

FOLIO

Михаил Загребельный
Сергей Параджанов

«ОМІКО»

2011

Загребельный М. П.

Сергей Параджанов / М. П. Загребельный — «ОМІКО», 2011

Сергей Параджанов – личность чрезвычайно незаурядная, начиная от своего происхождения (в энциклопедическом словаре он значится как «грузинский и украинский режиссер армянского происхождения») и заканчивая всей своей жизнью. Он ворвался в мировой кинематограф фильмом «Тени забытых предков» в середине 1960-х, и с тех пор о нем не перестают говорить. Эксцентричный, непредсказуемый, эпатажный, Параджанов не хотел и не мог жить «по правилам». Понятно, что многим это не нравилось. Как говорил сам режиссер, власти вычеркнули его из жизни на 15 лет – его то сажали в тюрьму, то просто не давали работать. И все же он выжил и продолжал творить.

Содержание

Все знают, что у меня три родины...	5
Режиссер рождается в детстве. Тбилиси. 9.01.1924–1945	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

М. Загребельный Сергей Параджанов

Все знают, что у меня три родины...

Строки новостей, сухие и бесстрастные: «В Калифорнии, в Лос-Анджелесе, 18 апреля 2010 г. вдовы Сергея Параджанова, Светлана Щербатюк, и Михаила Варганова, Светлана Манучарян, удостоены высоких наград во время церемонии награждения на Международном кинофестивале в Беверли-Хиллз. Г-жа Параджанова (педагог) и г-жа Варганова (киноредактор) приняли эти награды. Эта премия – знак признания роли женщины в жизни художника-мужчины. Варганян (1937–2009) – автор фильма «Параджанов: последняя весна» (1992). Параджанов (1924–1990) – легенда и гений мирового кино подобно Феллини, Антониони, Годару, Тарковскому».

Присоединяюсь к поздравлениям Светлане Ивановне Щербатюк. Филолог на пенсии, она преподавала русский тысячам иностранных студентов на подготовительном факультете Киевского университета им. Т. Шевченко. Многие из них достигли у себя дома заслуженных высот. Когда Светлана Щербатюк нуждалась в срочной операции, Кипр встретил ее как вторая Родина.

Они с Суреном – сыном Сергея Иосифовича и Светланы Ивановны – архитектором, живут в Киеве, в сталинке рядом с Владимирским собором. Сюда, на улицу Пирогова, шел герой фильма Параджанова «Киевские фрески». Ленту запретили. Чудом сохранилось 15 минут кинопроб. После фильма «Саят-Нова» («Цвет граната») с конца 1960-х на полтора десятилетия его отлучили от Богом избранной ему профессии. Параджанова томили четыре года в украинских застенках и 9 месяцев в грузинских. Он победил. Он знал, что за него возносят молитву люди чести по всему миру, его родные, друзья, что его ждут на третьем этаже киевского дома жена, ее родители Иван Емельянович и Кира Романовна, сын Сурен.

На открытии выставки своих художественных произведений 15 января 1988 года в Ереване Параджанов подводил итоги:

«Биография... Я не очень-то помню мою биографию. Что моя биография? «Дард»¹ – вот это вечная ее форма...

Я не профессионал и на это не претендую. Моя выставка – это не хобби, а необходимость моей профессии. Я режиссер: учился у великих мастеров Савченко и Довженко, они оба рисовали, рисовал и Эйзенштейн, и, поневоле, я начал рисовать, делать коллажи, стыковать фактуры, искать какую-то пластику. Я хочу, чтобы выставку посетили дети, потому что сейчас пришло время искать, находить и реализовывать прекрасное, прекрасное вокруг нас – наши горы, небо. Надо уметь выражать страсти, видеть, любить и благоговеть. Мало любить! Надо благоговеть.

Поэтому я и сделал специально комнату для детей, где я выразил в куклах пластику – передал трагедию войны, с юмором показал Кармен и Хосе и даже турка, который сдал Каре. Это все в назидание детям: мои старые чемоданы превратились в слонов, а слоны превратились в чемоданы. Вот этот Мирок очень интересно откроется перед детьми Армении, которые заслуживают большого внимания, потому что нам надо многое реставрировать в Армении в культуре, выравнить потребителя, выравнять общий вкус в стране. Одна из комнат –

---

¹ «Д а р д» – печаль, тоска, горе (арм.)

это «комната памяти Тарковского». Я посвятил ему два манекена, названных «Пиета», и сделал специально коллаж о ночной птице. В «комнате сияния» – костюмы к фильму «Демон», букеты-посвящения – восхищение жизнью.

Одна из комнат – «комната моей судьбы». Это моя судьба, судьба моих друзей, их отношение ко мне. Здесь яставляю в гармоническом сочетании грузинских и армянских художников и свой автопортрет. Здесь я выразил благоговение перед матерью – армянкой, отдавшей всю свою жизнь воспитанию детей. К сожалению, она ни разу не была в Армении, не нашла времени для этого: она то бегала, чтоб освободить папу из заключения, или же воспитывала детей.

Тут и мой диплом, подписанный Довженко, мой аттестат, мой дед, торгующий вином, мой дядя, наш институт: Мелик-Авакян, Хуциев и я – три армянина, которые поступали в один год во ВГИК. Все это волнует меня... «Комната графики», где я посвятил целую стену «бакинским комиссарам», – стена Элегия, графические произведения и букет, посвященный любимому брату, который не вернулся из армии. Он погиб на фронте – ему посвящается букет. Я непрофессионал и запрещаю критикам считать меня профессиональным художником. Я любитель искусства и режиссер... Никакого чуда не происходит. Я это ищу, это лежит в природе. Это она мне помогает взять, зафиксировать, создать пластику и благоговеть перед этим. Эта выставка – мой праздник. Народность для меня выше всего и самое дорогое, что есть у меня в жизни. Поэтому я выбрал музей народного искусства. Я лишаю критиков права считать меня профессиональным художником. Я режиссер и горжусь этой профессией. Никогда не лез сниматься в своих фильмах, чтобы увековечить себя. Все знают, что у меня три Родины. Я родился в Грузии, работал на Украине и собираюсь умирать в Армении».

Сергей Параджанов покоится в Пантеоне героев армянского духа в Ереване. Рядом – Арам Хачатурян, Вильям Сароян, Фрунзик Мкртчян...

Режиссер рождается в детстве. Тбилиси. 9.01.1924–1945

Сергей Иосифович Параджанов родился в Тифлисе (Тбилиси с 1936 г.) 9 января 1924 года в семье армянских иммигрантов из Турции. Отец – Иосиф (Овсеп) Сергеевич Параджанов (Параджанян) (1890–1962). Мать – Сирануш Давыдовна Бежанова-Параджанова (1894–1975). Крещен по имени Саркис. В день его рождения главная газета Закавказской СФР «Заря Востока» опубликовала коротенькую беседу с товарищем Сталиным «О дискуссии».

Курица закричала петухом, белым цветом зимой зацвела вишня. Тифлис – город предрассудков. В Тифлисе верят, что эти приметы – к смерти. Деспот объявил, что мнимое разложение большевиков суть вымыслы, и заявил о воцарении полного единства мнений. Что он хотел сказать на самом деле? Идея революции приказала долго жить. С 1924 года наступало всевластие бюрократической касты, для которой Маркс и Ленин значили не больше, чем Платон или Конфуций. Они их просто не читали.

СССР превращался в государство – монополию, государство – трест, государство – колбасную фабрику, государство зависти (по Ю. Олеше). По-своему эффективное для строительства заводов и фабрик. По-своему щедрое на нужды культуры. Но с единством мнений. И непереборимой завистью к тем, кто выбивается из строя. Кто не проходит мимо. Кто бездарь называет бездарью. А за талантливого человека готов положить голову. На рубеже 1970–1980-х годов кинематография СССР как отрасль процветала, занимая в госбюджете 100 млн рублей на начало года, а в конце года возвращала 1 млрд. Что означала для этой аппаратной отлаженной машины судьба художника? Несколько знаков на резолюции или в строке плана, сметы. В 1924 году Параджанов-старший не пожелал смириться с тем, что в светлом будущем его призвание антиквара не понадобится. И что ему на смену придет комиссионторг, где ему придется превратиться в рядового оценщика. Иосифа Параджанова пять раз бросят за решетку. В 1960–1980-х его сын также не смирился, вступит в неравную схватку за грядущее нашего искусства.

Радость Иосифа Параджанова, ликование, что у его дочерей Анны (1922–1985) и Рузанны (1923–1989) появился брат, омрачило наступление в СССР эпохи термидора. Один из самых знающих торговцев художественными ценностями Тифлиса вынужден был оформить фиктивный развод, чтобы семья осталась со средствами к существованию в случае грядущих репрессий и конфискации, наветов и наездов.

Тифлис – город театральный. Современный мыслитель Р. Ангаладян полагает, что Тбилиси поры детства Параджанова театрален, декоративен, абсолютно эклектичен лишь на первый взгляд:

«А внутри этого, словно из разных цветных стекол собранного, склеенного из различных миров города был не хаос, а поразительная гармония взаимоотношений непохожих культур. Персидское и армянское, грузинское и русское, тюркское и курдское, греческое и еврейское, французское и немецкое, кавказское и казачье реально соседствовали друг с другом и создавали пышную красоту роскоши и нищеты, искренности и лицемерия, бесправия и равноправия замечательного Тифлиса.

Художественная интеллигенция города сохранила верность своим национальным приоритетам, но она жила одновременно как на Востоке, так и на Западе. Это означало, что вся бытовая культура была погружена в некую тягучую условность общения, которую можно характеризовать как эклектизм мироощущения. С другой стороны, двадцатые годы были для тифлисской художественной жизни последним всплеском свободного волеизъявления худож-

ников, поэтов, музыкантов, других творцов в быстро меняющейся и жестко трансформирующейся Стране Советов. Тифлис был чувствителен к переменам и, может быть, поэтому быстро воспринял искусство кино. Думаю, что стихия кино и есть сущность Тифлиса тех лет, ибо здесь городской пейзаж предстает словно декорация, и жизнь предстает этим пейзажем, проходящим на фоне добра и открытости. И история каждой нации предстает словно немое кино тех лет».

Маленький Сергей на всю жизнь запомнит звуки марша, который напевала ему мама, мелодию в исполнении военного оркестра из дореволюционного Александровского парка, смерть девочки-соседки, тетю Сиран, которая сшила ему первую рубашку из вискозы, вторую – уже из шелка, прощание с тетей Сиран, похороны курдского куртана, первое купание в турецкой бане, старые кладбища, тарелку, которую на глазах у трехлетнего ребенка разобьет отец, разговаривая на повышенных тонах с мамой. Запомнит кипарисы, которые росли вместе с ним, исчезающие уличные картины досоветского Тифлиса с его лавками-мастерскими без передней стены.

Всю жизнь Параджанов лелеял замысел картины «Исповедь» о своем детстве, доме на улице Месхи. В 1989 году тбилисские съемки прервет обострение смертельного недуга.

«Мой отец был антикваром. Я видел у него чудесные ковры, которые появлялись в доме и потом сразу исчезали, ведь он занимался их торговлей. К нам всегда попадали великолепные вещи, в дом приходили различные эпохи и стили. Столы и кресла рококо, античные украшения, вазы, ковры, восхитительные восточные ковры и разнообразные предметы, которыми украшали верблюдов. Мое детство прошло среди таких вещей. Я очень привязался к ним и даже чем больше вырос, тем больше хотел их собирать. Изделия кустарей, шедевры народного искусства, народные песни, которые в моем детстве в Тбилиси сопровождали похороны и свадьбы. Несмотря на то что позднее я поступил в Консерваторию, меня и дальше привлекала народная музыка, которая была, как родник... Это настолько захватывающе, что сегодняшний актер, надевая на себя эту старую одежду, чуть ли не сливается с ней, чтобы проявился его талант. Столь сильно влияние на меня восточных ковров, восточных украшений, восточных песен, восточных скульптур, танцев и плачей (песен плакальщиц, поющих о судьбе умерших) – что говорят, у меня нет актеров. Пусть так. Другой же, один замечательный режиссер, который защищал фильм, сказал, что в картине Параджанова нет актера, нет драматургии, нет типов. «Но тогда что же есть?» – спросил я. Я счел это комплиментом. Но это очень хорошо, что в Советском Союзе есть по крайней мере такой режиссер, которому дороги образы, приходящие из детства.

Думаю, что и Феллини целиком и полностью вышел из своего детства. Если бы он забыл свои детские воспоминания, свое отношение к женщинам, к пище, к месту, где рос, тогда Феллини был бы весьма средним режиссером. Он все черпает из своего детства.

Режиссер – как ни абсурдна эта формулировка – «рождается» в детстве, проявление его первых наблюдений, первых, хотя и патологических, чувств – это все детство. Позже это расширяется, варьируется. Я знаю, что это склад бесценных ценностей, откуда можно черпать, дополняя это после нынешней эпохой, жизнью, философией жизни и общественным устройством, окружающим нас. Естественно, детство наполнено патриотизмом, любовью к своей земле...

В детстве повышенное значение имеют обряды, или, как у нас говорят, «адат». «Адат» – это все то, что сопровождает рождение, свадьбу, смерть. И этот «адат», т. е. обряды, вы можете видеть в моих фильмах. У меня есть сценарий «Исповедь». Он о том, что, несмотря на то что сам город не слишком большой, у него очень много кладбищ. Мусульманских, католических, армянских и, конечно, грузинских. Однажды на этих забытых кладбищах появляются бульдозеры и разбивают на их месте парк. В Тбилиси три или четыре таких парка, на месте которых в конце 19 – начале 20 веков еще были кладбища. Это очень занимало меня, потому что в конце

концов и могилы моих предков так исчезли. Посещение этих могил оказывало на меня очень большое влияние. Влияло на мою судьбу, поскольку я жил один, предельно аскетически. Я избегал удобств. У меня нет звуковоспроизводящей техники. Нет голубой ванны. Как видите, ничего нет, лишь таз в кухне...

Я мечтаю сделать этот фильм. Он говорит о том, что мои предки, согнанные с мест своего успокоения, где их похоронили, приходят ко мне, живому, навещают, когда уничтожается их кладбище. Этот символический фильм я посвятил бы тем ремеслам, которые исчезают из Тбилиси, кустарям, которые создавали колоссальные ценности. Как, например, гончары, ковровщики, цеха, где делали сладости, разнообразные восточные сладости, мелкие лавки, где продавали одежду и шляпы. Сейчас эту продукцию производят серийно. Это сценарий о том, куда исчезли мои родители, мои предки, и почему их души кружат над городом, над республикой. Могилы сровняли с землей, и теперь на их месте парки и игровые площадки. Это философская связь: судьба, ностальгия. Ностальгия по моим предкам...»

Развод позволил Сирануш Давыдовне спасти шубу из французского вухоля, семье – дом на горе Святого Давида, улица Котэ Месхи, 7. Маленький Сергей вместе с родителями будет прятать ее в ожидании очередных обысков у соседей, по чуланам, чердакам. Мама в театр ходила в искусственных жемчужных серьгах. Когда возвращалась, ждала, пока папа закроет ставни, и выходила к столу в новом платье, в многокаратных бриллиантовых серьгах и кольцах. Пять раз отцу пришлось прощаться с семьей и перебираться в район Тбилиси Орчатала. Там когда-то на день рождения Николая Второго промышленник Манташев подарил державе свои два четырехэтажных здания, предназначенные для текстильной фабрики. С тех пор там обосновались узники «губернской тюрьмы». Название сохранилось и при Советах. Как и сохранилось обыкновение уже советской державы брать мзду от предприимчивых граждан. Отцу Сергея всякий раз подыскивали причину освобождения – амнистию или примерное поведение. Он, в свою очередь, «окормлял», поправлял материальное положение высокопоставленных товарищей. Возможно, потомственный антиквар выполнял для властей секретные задания, делал экспертизу ценностей либо советовал, как их выгоднее сбыть враждебному капиталистическому окружению в интересах строительства социализма. Ведь открылось же недавно, что почти все иконы, которые Кремль продавал Западу для нужд индустриализации либо дарил важным иностранцам, были искусственно состарены или подделаны в тайной мастерской под началом академика И. Грабаря.

Однажды в 1938 году под утро нагрянули люди в фуражках. Мама долго не открывала двери – сестра никак не могла проглотить несколько драгоценных камней. Сергею пришлось глотать и свою и сестринскую порцию бриллиантов. Наконец незваных гостей впустили. Раздосадованные безрезультатным визитом, служители закона придралась к вентиляторам: «Спекулянты, целых два вентилятора держите». Мама не растерялась: «Слушай, начальник, я же большая. Ставлю один вентилятор спереди, другой сзади – и мне прохладно». Ну а школьнику приключение понравилось. Пока в ночном горшке не отыскались все камешки, его от занятий освободили.

Когда сестра Сергея вышла замуж за парикмахера, отец возмутился и перебрался жить отдельно во флигель. Он заказывал художнику-декоратору Тбилисского театра им. Грибоедова огромные картины с библейскими сюжетами. На каждом полотне требовал рисовать и свой лик одному из ветхозаветных старцев. Холсты помещал в золоченые рамы, расставлял вдоль стен флигеля, куда приглашал пышногрудую хористку из Оперы петь для отдыха души, а миловидную массажистку Шуру – для отдыха тела.

Тбилиси – город легенд. Молва приписывала Иосифу и Сирануш не только несметные богатства, но и владение первым по роскоши в дореволюционном Тифлисе домом терпимости «Семейный уголок», и поездки Сирануш во Францию для отбора жриц любви. В «Семейном уголке» сверкала русская танцовщица Катя, которую считали равной по элегантности Коко Шанель. Иосиф свой восторг перед ее выступлениями выражал швырянием в блестящее тело пригоршней золотых рыбок. При советской власти, состарившись, Катя коротала век вахтершей редакции партийной газеты «Заря Востока». На месте разрушенного здания уголка радостей возвели постройку уголка горестей – местной ЧК.

О своей учебе в тбилисской школе № 42 Параджанов будет вспоминать: «1938 год... Класс VI-б... Потом пришла дирекция школы и рассаживала учеников на свое усмотрение. Спустя четыре года нас расставили на выпускной фотографии. Итак, нас было 36.

Потом кто-то сказал, что 36-й предатель... И я, комсомолец, аккуратно лиловым квадратом зачеркнул его на фотографии...

Спустя много лет... я брожу по родному городу не узнаваемый никем, не узнавая никого... Но кто-то резко останавливается, смущаясь, провожает меня взглядом... И все...»

В 1942 году Сергей заканчивает среднюю школу: алгебра – посредственно, геометрия – посредственно, тригонометрия – посредственно, естествознание – отлично, история – хорошо, география – посредственно, физика – посредственно, химия – хорошо, рисование – отлично. С таким аттестатом впору идти куда угодно, но не в технический вуз. Абитуриент поступает иначе – становится студентом Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта. Однако уже в январе понимает, что поступил опрометчиво.

Он уходит в мир искусства. В 1943–1945 годах учится по классу вокала и скрипки в Тбилисской консерватории и одновременно в балетной школе при Оперном театре им. З. Палашвили. Рассказывает Ангаладян: «Юношей он открыл важнейший инструмент человеческого поведения – перевоплощение. Лицемерие было одной из смешных и бессмысленных, но жестких камер этой огромной тюрьмы. Страна, в которой жил творец, провозгласившая высокие принципы человеческого братства, вручила эталон художественности в руки тупым и малообразованным людям, создавшим в самом начале рождения этой страны цензуру. Юноша, не имевший еще ничего общего с подлинным творчеством, любил перевоплощаться, когда в танцевальном классе родного города видел себя в огромном, на всю стену зеркале. Непрерывная игра мальчика, а потом и юноши с переодеванием: с антикварными безделушками, женскими украшениями, шелками, изысканными французскими духами – была началом творчества. Он создает изысканные интерьеры в углу собственной комнаты, что воспринималось чудом, сохранившимся от нэпа. О, жеманные и надменные красавицы Тифлиса тех лет... В них сохранились блеск и манеры прошлой жизни. И в революционном угаре тогдашнего общества они оставляли в душе впечатлительного юного творца неизгладимый след».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.